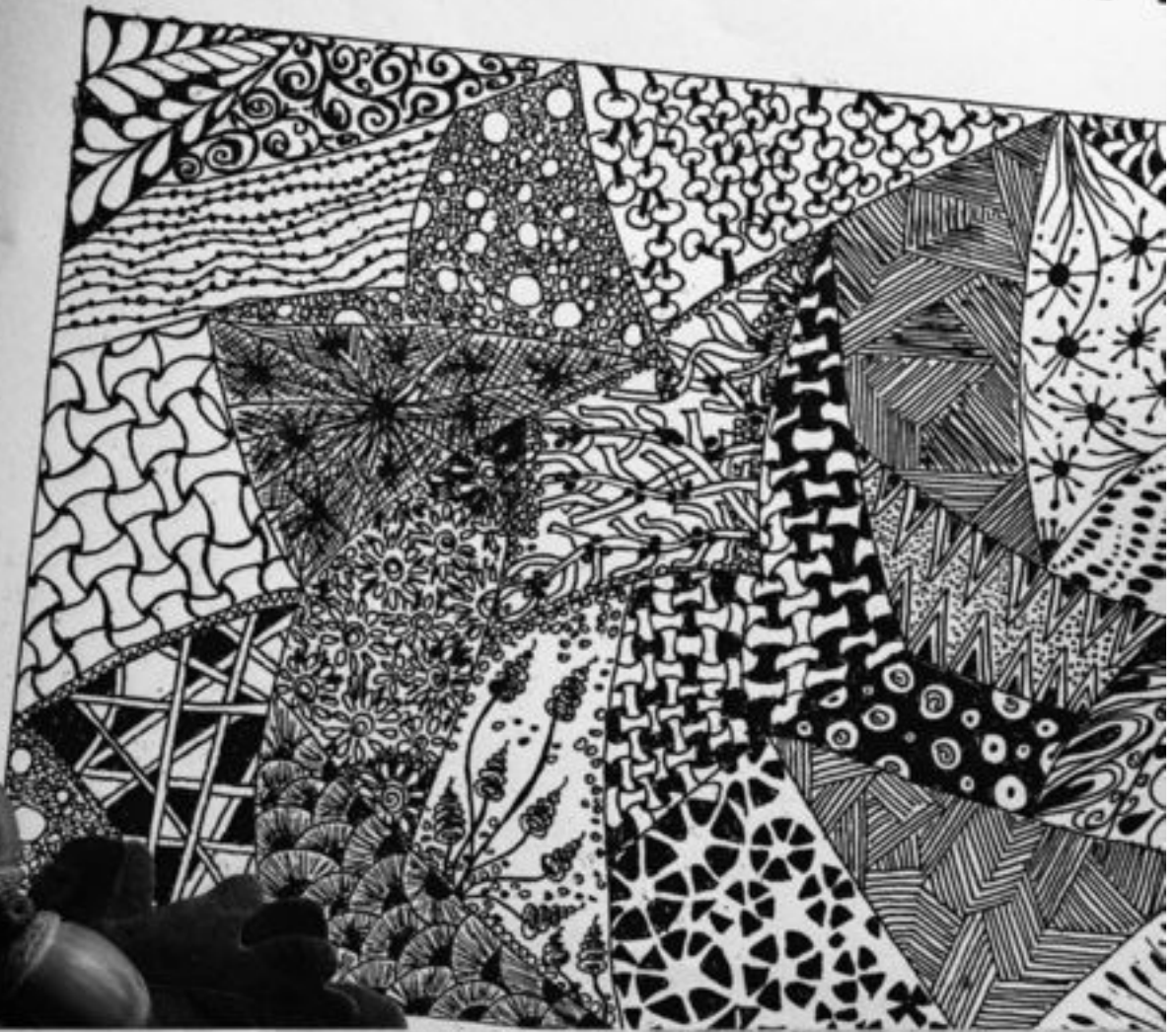

40 М
ПИСАТЕЛЕЙ

АНТОН
ЧЁРНЫЙ

Разнообразное

АНТОН ЧЁРНЫЙ
Разнообразное

«Издательские решения»

Чёрный А.

Разнообразное / А. Чёрный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831950-1

Книга включает в себя поэтические и прозаические опыты автора, относящиеся к разным годам и странам. С 2015 года её автор путешествует по миру, на момент издания этой книги живёт в Лос-Анджелесе. Местное и далёкое, своё и чужое, личное и переводное, прозой и стихами — под одной обложкой. В оформлении обложки использована графическая работа Антонины Чёрной «Веселая вермишель доброй совы». Книга из серии проекта «Том писателей» (Вологодское отделение Союза российских писателей).

ISBN 978-5-44-831950-1

© Чёрный А.
© Издательские решения

Содержание

Новый Свет	6
«Никого тут нет в Америке...»	6
Разговор	7
Малибу	8
Озеро Пиру	9
«База, база, мы в тени Плутона...»	10
«Уверен, этот мир не настоящий...»	11
«Как люди движутся сквозь собственные судьбы —...»	12
«Прибывает тепло понемножку...»	13
Константин	14
Помин	15
1	15
2	15
«Хотя я бросил в августе курить...»	16
«Мне до сих пор неясно, как это возможно...»	17
«Нет, земле самой не прополоться...»	18
«С невидимого порога...»	19
«Грустно будет без старых людей...»	20
Голландские голоса	21
Ян Якоб Слауэрхоф	21
Письма в море	21
Первооткрыватель	21
Утешение в болезни	22
Зимнее море	22
Камоэнс	23
Вечер	23
Алиса Наон	24
Зазимье	24
Поёт цветок в горшке	24
Листья поют	25
Хендрик Марсман	26
Переправа	26
Страх	26
Тонуший корабль	27
Старый свет	29
Бывшее	29
«В посёлок по болоту...»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Разнообразное Антон Чёрный

© Антон Чёрный, 2016

© Творческая группа FUNdbÜRO, дизайн обложки, 2016

© Алексей Кириловский, фотографии, 2016

© Антонина Чёрная, иллюстрации, 2016

Редактор Ната Сучкова

Корректор Елена Титова

ISBN 978-5-4483-1950-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НОВЫЙ СВЕТ

«Никого тут нет в Америке...»

Никого тут нет в Америке,
Только ветер и песок.
Листья вянут в тихом скверике,
Небосклон высок.

Каждый вечер начинается
У накрытого стола.
Пустота мне улыбается,
Спрашивает: «Как дела?»

Говорю: «Дела неважные,
Дорогая пустота.
Спят дома одноэтажные
И другая красота.

Я смотрел помехи в телике,
И, по данным ВКС,
Нету никакой Америки.
Стало быть, и я исчез».

Разговор

«Надо быть по жизни попроворнее», —
Говорили мне ночной порой
Хвойные деревья Калифорнии,
Охристой покрытые корой.

«Да вот как-то всё не получается», —
Отвечал я прямо в темноту, —
«Силы и терпение кончаются,
Как узнать последнюю черту?»

Говорило дерево осеннее:
«Повторителя нелёгок путь.
После полосы перерождения
Не забудь направо повернуть:

В золотом саду на склоне лета
Мертвецы покоятся в тени.
Полосою медленного света
Мирно убаюканы они.

Палые плоды лежат в покое,
Воздух электрический дрожит.
Странствователь, видевший такое,
Неприменно смерти убежит».

Кроны воздевая в выси горние,
Говорили мне ночной порой
Хвойные деревья Калифорнии,
Охристой покрытые корой.

Малибу

«Огромная вода тут близко?
Вода весёлая, как снег?» —
Спросил на ломаном английском
Один нерусский человек.

«Огромная вода тут рядом», —
Я отвечал ему тотчас, —
«Вода, напитанная ядом
И неприятная для глаз».

Ответом огорчён он не был,
Вскричал он радостно тогда:
«Вода! Весёлая, как небо!
Большая добрая вода!»

Потом пошёл, как так и надо,
И в набегающей волне
Стоял с жестянкой лимонада,
Добившись своего вполне.

Морская соль смывает сажу,
Рокочет добрый водоём.
Мы с Ваней тут идём по пляжу
И вам привет передаём.

Озеро Пиру

Было ветрено. Было мокро.
Бирюза переходит в охру.
Красота – вверху и внизу.
Охра падает в бирюзу.

Я как рана – ещё не зажил.
И торчу я в этом пейзаже,
Как из бани выскочил в снег —
Незадачливый человек.

Вокруг пальца земли, так близко,
Путь мой росчерком проведён
Там, где утки плывут по-английски,
Через все двенадцать времён.

Что ни день, всё та же беседа
В кабинете моей груди —
Странствователя и домоседа —
Об оставленном позади.

«База, база, мы в тени Плутона...»

База, база, мы в тени Плутона,
С высоты не видно ничего,
Словно летней ночью у затона,
Вечное во мраке торжество.

Припадаю к тёмному окошку:
Как вы там? Ни тронуть, ни спросить.
Дома не окучена картошка,
И за баней надо обкосить.

База, база, здесь так мало света.
Мчат лучи, как прутики хвои.
Я передаю, но нет ответа.
Где же избы серые твои?

«Уверен, этот мир не настоящий...»

Уверен, этот мир не настоящий.
Здесь просто сняли скучное кино,
Оставили цветы, какой-то ящик,
Всё кверху дном.

Тутовник, пальмы, фикусы и сливы —
Перечислять гербарий нету сил.
Не может быть вот просто так красиво —
Господь бы этого не допустил.

«Как люди движутся сквозь собственные судьбы —...»

Как люди движутся сквозь собственные судьбы —
Как их движения отточенно-верны,
Спокойны взгляды, устремления высоки,
Какая ясная спокойная готовность
И послушание в их облике сквозят!
Как это правильно и как это жестоко...
Поцеловать бы их. Обнять. Предотвратить.

«Прибывает тепло понемножку...»

Прибывает тепло понемножку,
Вдалеке убывает Луна,
Мама с папой сажают картошку,
Потому что картошка нужна.

Пробегают над ними светила
В непомерной своей темноте,
И Луна багрецом окатила
Небосводы на дальней черте.

Тех созвездий не помню я имя,
Что бегут солнотечным путём.
Теплоту поедает зазимье,
Стынет августа окоём.

Убывает тепло понемножку,
Чернотой глубинеет вода,
Мама с папой копают картошку,
Потому что так было всегда.

Константин

Не река – болотина да тина
Отразила много лет назад
Золотое имя Константина
И его погасшие глаза.

Годы, годы неподвижной муки
Созерцал он низенький причал.
Поначалу мучился от скуки,
А потом навеки заскучал.

Он, бывало, только соберётся
Потревожить тайную струну —
Слово пропадёт и не найдётся,
Вновь он произносит тишину.

Скучно в этом городе крестьянском.
Доктор наказал гулять водить —
Он в ответ молчал на итальянском,
Даже не трудясь переводить.

Тина, тина, чёртово болото,
Медленная бурая вода...
Говорить и думать неохота,
Говорить и думать никогда.

Помин

1

Запретили курить
И постель не к добру подновили.
Больно чистенько будет живому лежать.
Передвиньте поближе,
Поближе кровать.
Как легко-то...
Почти без усилий.

Что-то почти и не больно.
Две минуты —
И будто вчера.
Ничего, не спеши, сестра, —
Потом скомандуешь «вольно»...

2

Есть картина одна,
Где усталые лица
Очерчены светом.
Их трапеза невесела.
И отходит один, касаясь стола,
Чтобы в сонме теней раствориться.
Так однажды из душевной палаты
Порывом метели
Выскочил в мятом исподнем дед Николай.
И встречали его,
Кто нагой,
Кто в простреленной мокрой шинели —
Те,
Не вышедшие из котла.

«Хотя я бросил в августе курить...»

Хотя я бросил в августе курить,
Я с вами постою неподалёку.
Нежданно это было или к сроку?
Нам не о чем осталось говорить.

Неважно, молодым или седым...
Проходит жизнь, как вредная привычка,
Быстрее, чем догорает эта спичка,
Рассеивая синеватый дым.

«Мне до сих пор неясно, как это возможно...»

Мне до сих пор неясно, как это возможно...
Вот он ушёл, прикрыл калитку осторожно.
Нам непонятны эти замыслы прямые,
И мы стоим, от удивления немые.

Вот десять с четвертью, одиннадцать, двенадцать —
И мы пошли вослед часам, куда деваться?
А он стоит и смотрит, где-то там, за речкой,
За окончательной невидимой отсечкой.

«Нет, земле самой не прополотся...»

Нет, земле самой не прополотся,
Не засеяться, как стает снег,
И воды не принести с колодца —
Для всего потребен человек.

Для плодов на яблоне осенней,
Для бегущего веретена,
Для круговорота превращений
Надобен несущий семена.

«С невидимого порога...»

С невидимого порога
У белого-белого дня
Отмеренная дорога
Закончится для меня.

Зима побежит, петляя
Заброшенной колеёй,
От холода молодая,
Над выстуженной землёй

Неся ледяной крыжовник
По сумеречным местам —
Семёнково и Ежово,
Где-то примерно там,

И дальше, до самой Лежи,
В лесное её нутро,
Где заморозок медвежий
Разбрасывает серебро,

Где капли печальной клюквой
Падают из горсти.
Там мы и встретимся, друг мой, —
Надеюсь, тебе по пути.

«Грустно будет без старых людей...»

Марии Марковой

Грустно будет без старых людей,
Как у высохшего колодца.
Как мы с вами ни молодей,
Их собой заменить придётся.

Оставляют нам старики
Унаследование такое:
Домотканые половики
Доморощенного покоя,
Рукоделие добротой,
Что, над капельницей ночуя,
В поликлинике золотой
Наши немочи уврачует.

Остаёмся мы допоздна,
Чтоб не гасла луча живая,
Остаёмся, как семена,
Погибая, передавая.
С естеством наперегонки,
Равновесия не нарушим.
Будем делаться глубоки
И достойны своих старушек.

А когда мы накоротке
Повстречаемся с неминучей,
Есть завернутое в платке —
Всё, что надо, на этот случай.

Голландские голоса

Ян Якоб Слауэрхоф (1898—1936)

Судовой врач и поэт, Слауэрхоф полжизни провёл вдали от родной Голландии: на торговых судах и в дальних портовых городках всех морских побережий. Он чувствовал особую связь с португальским поэтом и путешественником XVI века Камоэнсом и даже написал о нём роман. Подобно ему, Слауэрхоф не отличался крепким здоровьем и в своих скитаниях переболел множеством экзотических болезней, последняя из которых, малярия, стала для него роковой. Поэт оставил обширное наследие, которое ценится на Родине как воплощение раннего, ещё романтического, модерна колониальной Голландии.

Письма в море

От чтения рассыпаться готовы,
Хоть в них всё те же самые сюжеты
На разных языках, слова не новы,
Поношены, как старые манжеты.

Но снова вместо утренней газеты
И вечером, когда скрипят швартовы,
Их развернёшь, и дальние приветы
Бодрят в тебе природные основы.

О доме, детях, видах урожая
Напишут те, что там тебе верны.
Кто умер, кто родил – и весь рассказ.

И снова ты один в который раз,
И где-то в дымке водной пелены
Блуждает память, судно окружая.

Первооткрыватель

Была ему грядущая земля
Мила, как дева, в тайне сокровенная.
Он грезил, и мечта самозабвенная
Парила вслед за носом корабля.

Привиделось, иль движется простор
Всё ближе перспективой постепенною?
Тем временем корабль волною пенною

Заре навстречу паруса простёр.

Но лишь она всплыла из синевы,
Он был пронзён как будто бы изменой.
Он вновь желал её сокрыть – увы:

Обнажена от пят до головы,
Её былые прелести мертвы,
И снова он один во всей вселенной.

Утешение в болезни

Писарро, пятьдесят свои встречая,
Не нажил славы, а грехов – сполна,
Форсила в перьях первая жена,
И в огороде роется вторая.

Ославили его как драчуна,
А он плевал, законы попирая
И Эспаньолы, и родного края.
И вот – пятидесятая весна.

Но выпал шанс: на дряхлой каравелле
Прodelать путь невиданный досель
И с сотней удальцов занять Перу.

А мне за тридцать, но каких земель
Мне чаять, если чую слабость в теле
И, две ступеньки одолев, помру?

Зимнее море

Чернеет горизонт, во весь опор
Седые гребни мчатся всё быстрее.
Сначала сотрясается простор,
Затем, как смерть, врывается борей.

Бесплодный перекраивая край,
Безжизненные скалы расколов,
Цветёт великолепный урожай
Взрастающих и вянущих валов.

И к палубе, где фонари остыли,
Попутчиком пристал морозный мрак,
Пока мы продирались в снежной пыли,

Тараня в темноте скрипящий пак.

Камоэнс

Воспитанный в обители глухой,
Служил он после при дворе надменном,
Затем бежал за лучшей судьбой
На край земли навстречу переменам.

Немногословный и в бою не злой,
Терпел насмешки в лагере военном,
В порту и в море обделён казной,
Бессилен противостоять изменам.

Но всем назло вела его мечта:
Сквозь дальние заморские места
Пройдя в строю властительной армады,

Он отверзал творящие уста,
Под тяжестью бродяжьего креста
Плетя в тугие строфы «Лузиады».

Вечер

За ставнями в закрытом тихом доме
Мы с ней сидели рядом на скамье.
Как старичок, изнемогал в истоме
Сквозняк усталый в сумрачном жилие.

Тяжёл и вял, почти без перепадов
С погоста запах пожелтевших роз,
Опутанных унылых палисадов,
Листвы надгробной этот ветер нёс.

В безмолвии недвижно застывая,
Я голову руками обхватил
И прошептал: «Слаба любовь живая
Пред смертью, что смиряет всякий пыл».

Алиса Наон (1896—1933)

Будущая поэтесса родилась в набожной бельгийской семье, и её первые опыты исполнены подчёркнутого благочестия. Во время мировой войны она, ещё подросток, служила сестрой милосердия, в это время у неё открылась лёгочная болезнь. Из-за ошибки врачей Алиса десять лет провела в санаториях, будучи уверенной, что умирает от туберкулёза. Две книги стихов приносят ей известность, а доходы от изданий позволяют поправить здоровье. Однако возвращение в мир было недолгим: после пяти лет общения в артистических кругах Алиса вновь заболела, на этот раз смертельно. На русском языке публикуется впервые.

Зазимье

Подсолнух позднею порой
Ловил последние лучи.
Во всей вселенной никому
Не нужен, хоть кричи.

Помятый мимоходом
Досужею рукой,
С поникшей головою
Оставлен на покой.

На стебле тонкошем
Набрякли семена
И горестно поникли,
Не опростав зерна.

Себя обзревая,
Молил он до конца:
«Зачем я так роскошен,
Коль не познал Жнеца?»

Поёт цветок в горшке

Я – полевой цветок,
И здесь не мой порядок.
Я день и ночь судьбу молю:
Переселиться к ковылю
Хочу вдали от грядок.

В очаровательном горшке
Я, увядая, сгину.
Ах, люди, это западня,
Вы отпустили бы меня

В цветущую долину.

Я – полевой цветок.
Не требую полива.
Чем удушать меня в горшке,
Меня пустите налегке
К сородичам на ниву.

Ну, вот я и отцвёл.
Ах, поздно сокрушаться!
Я радости познал вполне,
И очень, очень жутко мне
Среди людей остаться.

Листья поют

Мы вянем, умирая,
Скользим у ваших ног,
Безмолвно заплетая
Свой бронзовый венок.

Покровом листопада
Мы осень облачим,
Гниением разлада
Идущих омрачим.

Заставим прослезиться,
Глаза запорошив.
«Ах, лета небылица! —
Заплачешь, коли жив».

Кто смертен меж созданий,
Горюет, как и мы,
В тени воспоминаний,
В предчувствии зимы.

Рыдайте же, покуда
Мы тайно шелестим.
Как зимняя остуда,
Конец неотвратим.

Порывами гонимы,
Скользим у ваших ног.
Всегда приходят зимы.
Всему приходит срок.

Хендрик Марсман (1899—1940)

Знаменитый поэт, автор «голландского стихотворения века», воспевший реки и низины родной земли, ужасно боялся воды. Наделённый живым воображением, он с годами впал в депрессию, мучимый страхом смерти. Многие стихотворения этого классика посвящены теме утопления и крушения в море. Можно себе представить, какое впечатление произвела в 1940 году его гибель: спасаясь от наступающих немцев, Марсман был вынужден сесть на небольшое судно, которое затем было потоплено немецкой подлодкой.

Переправа

Чёрный корабль одиночек,
двигаем в пещере ночи,
мрак его, как поток,
в гибель, в гибель несёт.

В трюме скрипящем лежу,
холодом, страхом объят,
плача о светлой стране,
скрывшейся за горизонт,
плача о чёрной стране,
полнящей горизонт.

Те, что встречи с близкими ждут,
жаром крови распалены,
и те, что познали отказ —
вместе погибнут они,
проигрыш наконец
в схватке со смертью познав.

О, тоска по предвечной стране!
Тяжким сумраком окружён,
страх унимаю тем,
что смерть – это не конец.

Страх

Спросить хочу
себя: доколе, долго ли ещё
мне, как мячу,
скакать по милости погоды,
от страха гибнуть,
в ещё больший страх ввергаясь,
и короток ли век,

и короток ли век,
что осталось мне дрожать лозой весенней,
ползущей ввысь по кирпичу?

чего страшусь?

страшусь узнать об этом дне,
когда мой остов смерть навеки расщепит,
когда достигну цели я вполне
и пуля, уготованная мне,
не промахнётся, пригвоздив к стене.
страшусь, что после, в сумрачном краю,
я не найду пути в чужой стране,
и к сердцевине жизни не пройду,
потерян в глубине —

о, этим страхам нет числа во мне.

Тонуций корабль

смеркается;
идём ко дну.
и килем бьём
о глубину.

— о, кажется,
отходит шквал
от ледяных
холодных скал.

«эй, ты, что славил
свой удел,
чей голос
радостно гудел,

я вижу, блеск
речей поблек,
как понял,
что погиб навек?»

— я понял:
смерти на краю
душою выше
восстаю

иль нисхожу
в юдоль теней

и кану
невозвратно в ней,

и в этом весь
подлунный свет,
лишь сон,
исполненный сует.

в ответ настала
тишина,
как будто ночи
пелена

сдавила судно
и луну
и отзвуки двух голосов:
– спасите, мы идём ко дну!

Старый свет

Бывшее

В Вологде, в центре, в излучине грязной реки
Есть одно место: бывшие огороды.
Бывшие яблони, бывшая бузина.
Списанный тёрн.
Отставной крыжовник.
Даже здешний зябкий воздух,
Кажется, уже на пенсии.

Я подростком бегал туда курить.
Сидел у забора, нанизывая
Бычки на колючую проволоку.

Вот и сейчас там виднеется
Чья-то белобрысая голова.
У кого-то там лето.
Кто-то смеётся там так знакомо.

И в вонючей реке
Мелеет остановленное время.

«В посёлок по болоту...»

В посёлок по болоту
Вела гнилая гать.
Но в темноте пилоту
Нетрудно проморгать.
И в пузо топи мшистой,
Роня парашют,
Проклятые фашисты
Втыкались там и тут.

За парашютным шёлком

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.